

КУБА НЕ ТОРГУЕТ И НЕ ПРОДАЕТ СВОЮ РЕВОЛЮЦИЮ, СТОИВШУЮ КРОВИ И ЖЕРТВ МНОГИХ ЕЕ СЫНОВ

Autor:

- [Mayor Zaragoza, Federico](#)

К читателям

В начале июня текущего года один французский журнал опубликовал в сжатом виде записки господина Федерико Майора Сарагосы, который до недавнего времени был Генеральным директором Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), о его беседе с главнокомандующим Фиделем Кастро, состоявшейся 28 января этого года во время визита Майора на Кубу в связи со второй Международной встречей экономистов, которая проходила в Гаване с 24 по 28 января.

В конце мая Федерико Майор прислал копию этих опубликованных в сжатом виде записок, а также длинный список вопросов для интервью по аналогичным темам, которое он намеревался опубликовать в другом органе. Но дело в том, что еще до публикации вышеупомянутых записок некоторые информационные агентства распространили его записи, вырвав из контекста отдельные фразы и неправильно интерпретировав их.

Несколько дней спустя поспешная и неполная публикация резюме этих записок, ведущая к неверной интерпретации, в июне месяце, когда вся наша страна была охвачена напряженной и до сих пор не прекращающейся деятельностью, связанной с борьбой против преступного задержания кубинского ребенка Элиана Гонсалеса, вынудила товарища Фиделя найти минимум необходимого времени, чтобы с предельной точностью ответить на все 33 вопроса, которые прислал Федерико Майор; этот материал был ему отправлен незамедлительно 10 дней назад.

Последний сообщил о своем намерении использовать полный текст интервью в книге, которая будет опубликована в конце года. Принимая во внимание, что многие вопросы, затронутые в интервью, связаны с актуальными темами и по прошествии нескольких месяцев не будут представлять особого интереса, товарищ Фидель решил опубликовать в газете "Гранма" полный текст своих ответов, о чем и сообщил предварительно своему уважаемому другу, бывшему Генеральному директору ЮНЕСКО Федерико Майору Сарагосе.

Ниже публикуются вопросы и ответы.

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ ФЕДЕРИКО МАЙОРА

ФЕДЕРИКО МАЙОР: Наряду с Китаем, Вьетнамом и Северной Кореей Куба считается последним бастионом социализма. Но через десять лет после падения Берлинской стены слово "социализм" еще имеет смысл?

ФИДЕЛЬ КАСТРО: Сегодня я более чем когда-либо убежден, что оно имеет большой смысл.

То, что произошло 10 лет назад, было наивным и несознательным разрушением великого социального и исторического процесса, который следовало усовершенствовать, но отнюдь не разрушать. Этого не смогли добиться гитлеровские орды, даже убив более двадцати миллионов

советских людей и опустошив полстраны. Мир остался под эгидой единственной сверхдержавы, которая в борьбе против фашизма не понесла и 5 процентов жертв, понесенных советскими людьми.

У нас на Кубе сплоченная страна и Партия, которая руководит, но не выставляет кандидатов и не выбирает. Жители, собравшись на открытые ассамблеи, предлагают, выдвигают кандидатов и выбирают депутатов по 14 686 избирательным округам, которые являются основой нашей избирательной системы. Они составляют ассамблеи своих муниципий и выдвигают кандидатов в провинциальные и в национальную ассамблею – верховные органы государственной власти на этих уровнях, – которые выбираются тайным голосованием более чем 50 процентами действительных бюллетеней в своих соответствующих округах.

Голосовать никого не обязывают, но в выборах принимает участие более 95 процентов избирателей. Многие в мире даже не потрудились узнать об этих фактах.

В Соединенных Штатах, где столько говорят о многопартийности, существуют две партии, настолько одинаковые по методам, задачам и намерениям, что на практике они создали самую совершенную в мире однопартийную систему. В этой “демократической стране” 50 процентов граждан не голосует, и там команда, собравшая больше средств, обычно побеждает голосами только 25 процентов избирателей. Вся политика сводится к препирательствам, борьбе тщеславия и личным или групповым амбициям в рамках установленной экономической и социальной системы. Для этой системы не существует никакой альтернативы. В малых англоязычных странах карибского региона, только что ставших независимыми, действует более эффективная парламентарная система, и пока правящая команда имеет консенсус, она сохраняет власть. Это намного стабильнее, чем президентский режим, навязанный остальной Латинской Америке в подражание модели Соединенных Штатов. Почти за два века ничего не изменилось.

При капитализме, даже в самых промышленно развитых странах, в действительности правят крупные национальные и транснациональные предприятия. Они решают вопросы инвестиций и развития. Они отвечают за материальное производство, за основные экономические услуги и большую часть социальных услуг. Государство просто взимает налоги, распределяет и расходует их. Во многих из этих стран правительство может целиком уйти на каникулы, и никто ничего не заметит.

Развитая капиталистическая система, позже превратившаяся в современный империализм, в конце концов навязала миру неолиберальный глобализованный порядок, являющийся совершенно невыносимым. Она породила мир спекуляции, создание фиктивных богатств и ценностей, не имеющих ничего общего с реальным производством, и сказочные личные состояния, некоторые из которых превосходят валовой внутренний продукт десятков бедных стран. Излишне добавлять к этому грабеж и растрату природных мировых ресурсов, а также жалкую жизнь миллиардов людей. Эта система ничего не обещает человечеству и не нужна ни для чего, кроме самоуничтожения, причем вместе с ней будут, возможно, уничтожены природные ресурсы, служащие опорой для жизни человека на планете.

Конец истории не наступил, как кое-кто думал в эйфории, теша себя иллюзиями. В действительности, она, быть может, начинается как раз сейчас.

Ф. М.: Через сорок один год после Революции и несмотря на все трудности, с которым ему пришлось столкнуться, установленный вами режим выстоял. За счет чего можно отнести это долголетие?

Ф. К.: За счет борьбы и безустанной работы вместе с народом и для народа. Держаться за убеждения; быть последовательным; верить в человека; быть рабами, а не господами страны; строить на твердых основах; создавать, искать решения проблем даже в, казалось бы,

невозможных и нереальных условиях; гарантировать абсолютную честность тех, кто занимает самые высокие политические и административные посты; превращать политику в священнодействие. Таким может быть отчасти ответ на ваш вопрос, если не вдаваться во многие другие специфические факторы, свойственные нашей стране и нашей исторической эпохе.

Верно, все думали, что после краха социалистического лагеря и Советского Союза Куба не сможет выстоять. Дополнительно следовало бы спросить, как это было возможно при двойной блокаде и экономической и политической войне, навязанной нам самой могущественной державой из всех, когда-либо существовавших, без Международного валютного фонда, без Всемирного банка, без кредитов. Однако мы сумели совершить подвиг. На встрече на высшем уровне, недавно проходившей в Гаване, я с некоторой долей иронии сказал нашим гостям, что это было возможно, потому что мы имели привилегию не принадлежать к МВФ.

Было время, когда мы плавали в море наличности; наша денежная единица была чрезвычайно девальвирована, бюджетный дефицит достиг 35 процентов валового внутреннего продукта. Я отметил, что некоторые умные гости были поражены почти до потери сознания. В 1994 году наше песо - наша национальная валюта - снизило свою стоимость до 150 за один доллар. Несмотря на это, мы не закрыли ни единого лечебного учреждения, ни единой школы или детского сада, ни единого университета, ни единого спортивного центра; никого не выгнали на улицу без работы и социального обеспечения, даже когда не хватало горючего и сырья; не было ни малейшего признака обычных ненавистных шоковых методов, столь рекомендуемых финансовыми учреждениями Запада.

Каждая из мер, принятых для того, чтобы противостоять страшному удару, обсуждалась не только Национальной ассамблеей, но также на сотнях тысяч ассамблей, проходивших на фабриках и заводах, на производственных предприятиях и предприятиях услуг, в профсоюзах, университетах, средних школах и во всех крестьянских, женских, массовых и других организациях общественного характера. То немногое, что у нас было, распределялось с соблюдением максимального равенства. Мы победили пессимизм внутри страны и за ее пределами.

В эти критические годы удвоилось число наших врачей, повысилось качество нашего образования, кубинское песо с 1994 по 1998 год было ревальвировано семь раз - со 150 за один доллар до 20 за доллар - и с тех пор стабильно сохраняется на этом уровне. За рубеж не уплыл ни один доллар. Мы приобрели опыт и эффективность, чтобы стать вровень со стоявшими перед нами огромными задачами. Хотя мы еще не достигли уровней производства и потребления, на которых находились в момент, когда в Европе произошел крах социализма, мы уверенно и заметно восстанавливаемся; мы сохранили показатели образования, здравоохранения, социального обеспечения и многих других социальных аспектов, бывших гордостью нашей страны, а некоторые даже превзойдены.

Великим героем, совершившим этот подвиг, был народ, который перенес большие лишения и проявил огромное доверие. То было плодом справедливости и идей, посеянных за более чем 30 лет Революции. Это настоящее чудо было бы невозможно без единства и без социализма.

Ф. М.: Принимая во внимание широкое движение глобализации, приобретающее всемирные масштабы, не стоило бы шире открыть кубинскую экономику для остального мира?

Ф. К.: Мы открыли экономику по мере возможности и необходимости. Мы не совершали безумств и безрассудств, отмечавшихся в других местах, где принимали, словно слова библейских пророков, советы европейских и американских экспертов. Нас не захлестнула безумная волна приватизаций и тем более конфискации государственного имущества, чтобы присвоить его себе или раздать родственникам и друзьям. Это, как известно, произошло и в бывших социалистических странах, и в других, несоциалистических, под благостным, терпимым и пособническим прикрытием неолиберальной философии, превратившейся во всемирную

пандемию. Западу это очень хорошо известно, он знает, где лежат деньги и какова судьба растрченных или украденных фондов, но никто не сказал ни слова.

Мы не пытались совершить такой глупости - приспособить Кубу к нынешнему хаотическому миру и его философии; что мы сделали – так это приспособили его реалии к нашим, в то же время борясь вместе со многими другими странами так называемого третьего мира за наше право на развитие и выживание. Быть может, мы, бывшие колонизированные народы, поможем тем самым спастись и меньшинству сверхбогатых стран, почти все из которых - бывшие метрополии.

Ф. М.: Никто не ставит под сомнение социальные и культурные свершения Кубы. Но возвращаясь к моему предыдущему вопросу, не пошло бы им на пользу увеличение взаимобмена с внешним миром?

Ф. К.: Верно, что, как ты говоришь, мы добились больших социальных успехов, которые трудно отрицать. У нас нет детей без школ, нет неграмотных. Примечательны достижения наших университетов. У нас множество научно-исследовательских центров, проводящих очень качественную и важную работу. Каждый ребенок получает 13 прививок, причем почти все из вакцин производятся в стране, так же, как большая часть принимаемых нами лекарств. В то же время мы бесплатно посылаем тысячи врачей на работу в отдаленные и бедные районы Латинской Америки, карибского региона и Африки, чтобы осуществлять комплексные программы здравоохранения. Это возможно, потому что мы обладаем большим человеческим капиталом. Мы пригласили самые развитые страны сотрудничать, посылая медикаменты. Мы также предоставляем тысячи стипендий молодым людям из стран третьего мира для обучения медицине и другим профессиям. Во всех африканских странах, участвующих в комплексных программах здравоохранения, мы помогаем создавать факультеты, откуда когда-нибудь будут выходить сотни тысяч необходимых им врачей.

Никто не представляет себе, сколько может сделать маленькая страна третьего мира с очень малыми ресурсами, когда существует настоящий дух солидарности. Отвечая на твой вопрос, несомненно, этим усилиям, осуществляемым нашей страной, очень пошло бы на пользу увеличение взаимобмена с внешним миром, на благо как нашей Родины, так и других стран.

Ф. М.: Исчезновение Советского Союза внезапно лишило Кубу драгоценной помощи. На что, по вашему мнению, рассчитывали американцы, сохраняя эмбарго, несмотря на конец конфронтации Восток-Запад? Они надеялись повлиять на вашу манеру править?

Ф. К.: Они пытались не повлиять на Революцию, а уничтожить ее. Так же, как в сенате древнего Рима во времена Ганнибала провозглашали, что Карфаген должен быть разрушен, навязчивым лозунгом правительств Соединенных Штатов было: Куба должна быть уничтожена.

Исчезновение Советского Союза и распад европейского социалистического лагеря не застали нас врасплох. Мы даже намного ранее предупредили наш народ о такой возможности. При глупых ошибках, которые они совершали, и непрерывных постыдных уступках историческому противнику мы предвидели, что произойдет.

В экономической области ущерб для Кубы был ужасным. На помойке мирового рынка наш сахар не получал соответствующей цены. Ранее мы добились преференциальной цены, такой, по какой Соединенные Штаты и Европа импортировали этот продукт. Почти разом прекратились поставки горючего, продуктов питания, самых разных сырьевых материалов и компонентов машин и промышленных предприятий. Ежедневное потребление калорий сократилось с 3 000 до 1 900, а белков - с 80 до 50 граммов. Некоторые дрогнули, но огромное большинство противостояло трудностям с невероятной отвагой, честью и решимостью.

Как я уже сказал, удалось сохранить важные показатели, а некоторые даже улучшились. Детская смертность сократилась за этот период на 40%, и в дело обслуживания населения

включилось 30 000 новых, прекрасно подготовленных врачей. В области спорта наши спортсмены продолжали занимать почетные места в числе первых спортсменов мира и получать самый высокий показатель золотых медалей на делегацию на Олимпийских играх, несмотря на огромное давление со стороны Соединенных Штатов и других богатых стран, которые пытаются купить кубинских ученых, видных специалистов и спортсменов.

Ф. М.: Что не означает, будто сохранение эмбарго является для кубинского народа еще одним испытанием, которое можно легко преодолеть.

Ф. К.: Разумеется, блокада является тяжелым бременем для каждого кубинца. Страны третьего мира, а также почти все страны-члены Организации Объединенных Наций многократно требовали прекращения блокады, но американский конгресс при содействии многих членов республиканского большинства, возглавляемого в этом случае господами Хелмсом и Бертоном, и даже при поддержке ряда членов Демократической партии, таких как Торричелли и другие, выступил против отмены блокады, уже ставшей самой длинной в истории.

Ф. М.: Соединенные Штаты – не единственные, кто ставит вам всевозможные условия. Европейский союз также попытался ввести в торговые отношения между Европой и Кубой “демократическую оговорку”. Что вы думаете об этих действиях?

Ф. К.: Примечательно, что Европейский союз гораздо меньше “беспокоится” о других странах, несомненно потому, что они представляют для него больший экономический интерес, чем могли бы представлять мы. Во всяком случае, когда речь идет о неотъемлемых принципах нашей Родины, какие бы то ни было условия неприемлемы. Нельзя ставить условия, касающиеся формы политической организации суверенной страны. Куба не торгует и не продает свою Революцию, стоившую крови и жертв многих ее сынов.

С другой стороны, все зависит от того, что понимать под “демократической оговоркой”. Сколько так называемых “демократических” государств сидят по уши в долгах? Сколько из них допускают, чтобы вплоть до 30 процентов их населения жило в условиях крайней бедности? Почему со странами, где десятки тысяч детей живут на улицах и имеется бесчисленное число неграмотных, должны обращаться лучше, чем с нами? Нам непонятно, почему. Куба никогда не примет политических условий Европейского союза и тем более Соединенных Штатов. Пусть это наконец поймут.

Мы не спорим о том, есть ли в Европе монархии или республики, правят ли там консерваторы или социал-демократы, защитники или противники идиллического третьего пути; происходят ли там повороты влево, к центру или вправо; существуют ли апологеты или хулители так называемого “государства благополучия”, которым пытаются временно облегчить неизлечимую болезнь безработицы. Мы даже не обязаны вмешиваться в то, что делают бритоголовые – представители возрождающихся неонацистских тенденций. Хотя у нас есть мнения по этим и по многим другим вопросам, мы не можем вводить революционные оговорки в наши отношения с Европой. Мы питаем надежду, что европейцы справятся с этим сами.

Ф. М.: Со времен маккартизма у Вашингтона существует тенденция считать, что единственные опасные режимы, которые должны быть уничтожены, – это коммунистические. Однако Белый дом не моргнув глазом терпел режимы Сомосы, Трухильо, Дювалье и других. Что вы думаете об этом двояком восприятии мира?

Ф. К.: Лучше не углубляться в лицемерие и непристойность этой политики. Мне потребовалось бы много часов и длинные исторические ссылки. В один прекрасный день индустрия лжи потеряет свой рынок, она его уже теряет. Если вы действительно глубже рассмотрите истинное положение вещей, вы поймете, что политическая концепция империализма, так же как экономический порядок и неолиберальная глобализация, навязанные миру, одиноки и беззащитны в сфере идей и этики. Именно в этой области будет решаться главная битва нашего

времени. И конечный результат этого сражения, без всяких вариантов, будет на стороне правды и потому на стороне человечества.

Ф. М.: Следите ли вы за американской избирательной кампанией?

Ф. К.: Конечно, не только за президентской кампанией, но я даже развлекаюсь, наблюдая за другими аспектами этой большой комедии. Приведу один пример: борьба за место в сенате от штата Нью-Йорк. В том, что касается Хиллари Клинтон, я припомнил случай, когда она так блестяще защищала в конгрессе социальную программу медицинских услуг, которые сегодня недоступны миллионам бедных американцев.

Я также с интересом слушал ее выступление на заседании Всемирной организации здравоохранения в Женеве. Она говорила открыто, убедительно и казалась искренней. Она вела себя с большим достоинством, когда семья оказалась вовлеченной в тяжелый и болезненный кризис. Но иногда ее советники дают ей неправильные советы, как в случае пуэрториканцев, освобожденных правительством Клинтона после долгого, жестокого и безжалостного тюремного заключения, она проявила себя практически враждебно по отношению к этому сокращению сроков наказания. Кроме того, я могу добавить, что совсем недавно, в случае незаконно задерживаемого кубинского ребенка Элиана Гонсалеса, она заняла ошибочную и малоэтичную позицию, заявив, что отец ребенка должен дезертировать, это серьезное и беспричинное оскорбление честного патриота, и в этом она совпала не только по содержанию, но и почти точно по времени с высказыванием кандидата в президенты от республиканцев.

В общем, когда люди казалось бы честные оказываются втянутыми в водоворот американской избирательной кампании, они рискуют потерять всякий престиж и уважение.

Ф. М.: До чего может дойти процесс приватизации на Кубе? А что

касается "долларизации" экономики, не является ли это оскорблением, наносимым одновременно социализму и валютному суверенитету страны?

Ф. К.: Я уже тебе сказал, что приватизации следует проводить с большим здравым смыслом и мудростью, безо всяких безрассудств. Надо очень хорошо различать работу по своей природе сугубо индивидуальную и часто ручную и кустарную, где массовое производство и технология не играют основной роли, и такую, где инвестиции требуют капитала, технологии и рынков, в этом случае может быть в высшей степени целесообразной ассоциация с иностранными предприятиями. Наша страна не может ни вести разведку, ни эксплуатировать возможные нефтяные месторождения на 110 тысячах квадратных километров, принадлежащих Кубе в Мексиканском заливе, без технологий и капиталов, поступающих из-за рубежа.

С другой стороны, внутри страны, при получении самого высокого качества и урожайности таких культур как специальные сорта табака – дело самоотверженных и почти фанатичных любителей разведения этой культуры, которое должно вестись ручным способом и на небольших участках, – не существует машин и крупных предприятий, которые могли бы заменить труд отдельного человека. Тем, кто обладает такими чертами характера, бесплатно даются необходимые участки земли, чтобы они обрабатывали их своими силами. И напротив, было бы абсурдно делать это с большими высоко механизированными плантациями сахарного тростника.

В кубинском сельском хозяйстве есть самые различные формы собственности: индивидуальные, кооперативные разных типов, такие, где созданы механизмы кооперации, сбора и продажи продуктов, и даже специализированные государственные предприятия, которые мы с успехом создаем в нашей стране.

Равным образом, в самых разных отраслях экономики существуют производственные и торговые ассоциации с иностранными предприятиями, которые функционируют прекрасно.

В вопросе приватизаций не надо упрощать. Общий принцип таков, что на Кубе ничего, что было бы целесообразно и возможно сохранить как собственность всего народа или коллектива трудящихся, не будет приватизировано.

Наша идеология и наши предпочтения – социалистические, ничего сходного с эгоизмом, привилегиями и неравенством капиталистического общества. На нашей Родине ничего не перейдет во власть высокого должностного лица, и ничего не будет подарено соучастникам и друзьям. Ничего, что можно эксплуатировать эффективно и с высокой отдачей на благо нашего общества, не перейдет в руки кубинцев или иностранцев. И в то же время могу тебя заверить, что никакие инвестиции не пользуются в мире большими гарантиями, чем те, которые, защищаемые законами и честью страны, были разрешены на Кубе.

Относительно твоего упоминания о долларизации экономики я должен сказать две вещи. Первая: в настоящее время мировая экономика долларизирована. После Бреттон-Вудса Соединенные Штаты получили привилегию выпускать резервную валюту мировой экономики. Вторая: на Кубе существует национальная валюта, на которую никак не распространяется власть Международного валютного фонда. Она, как я уже рассказывал, вела себя героически, будучи ревальвирована семь раз за рекордный срок. Здесь не существует утечки капиталов. Кроме того, возникло конвертируемое песо, равное доллару, и его свободное хождение было просто неизбежной необходимостью, но отнюдь не плодом экономической концепции. Я думаю, что в будущем никогда не придется вновь запрещать владение долларами или другими иностранными валютами, но их свободное хождение в уплату за многие продукты и услуги будет длиться лишь столько, сколько это будет сочтено полезным в интересах Революции. Потому мы можем абсолютно не беспокоиться по поводу знаменитой фразы "долларизация экономики". Мы прекрасно знаем, что делаем.

Ф. М.: Фидель, в 1997 году в Гаване вы сказали мне публично:

“Федерико, сегодня у нас уже нет нужды в революциях. Впредь борьба будет состоять в том, чтобы лучше всем делиться. Нашей задачей уже является не классовая борьба, а сближение классов в рамках справедливого и мирного сосуществования”. Три года спустя вы продолжаете думать так же?

Ф. К.: Я не уверен, что когда-то выразился именно так. Быть может, произошла некая путаница в словах или истолковании, потому что кое-какие из этих пунктов достаточно далеки от моих идей.

Недавно я присутствовал в Гаване на международной встрече экономистов, где участвовали представители разоренных стран, в которых на обслуживание долга идет более 40 процентов бюджета - долга, приобретенного “очень демократическим способом” прежними, а также нынешними правительствами. Наблюдается большое чувство бессилия перед сложными задачами, поставленными глобализацией, которая считается неизбежной, но которая до настоящего времени была отмечена зловещим знаком неолиберализма. На этой встрече представители Межамериканского банка развития и Всемирного банка совершенно свободно защищали свои точки зрения, но выводы о неустойчивом характере господствующего экономического порядка были очень ясными для многих из присутствовавших.

Мы не можем продолжать идти путем, который с каждым днем все более отдаляет бедные страны от богатых и который порождает во всех них все более разительное социальное неравенство. В самое ближайшее время основное для Латинской Америки и карибских стран – это интеграция. Только объединившись, мы сможем добиться пересмотра нашей роли в этом полушарии. Я говорю то же самое о необходимости объединить усилия стран третьего мира по отношению к могущественному и ненасытному клубу богачей. Я уже не раз указывал, что задача интегрироваться и объединить усилия не может ждать, пока сначала произойдут глубокие

социальные изменения или социальные революции в каждой из этих стран. Я также утверждал, что, будучи неустойчивым, нынешний мировой экономический порядок подвержен вполне реальному риску катастрофического обвала, который оставит далеко позади катастрофу и длительный кризис, начавшийся в 1929 году, когда лопнули американские биржи Соединенных Штатов, поскольку стоимость их акций оказалась вздутой за пределами. Даже полный воодушевления и опытный Гринспен, президент Федерального резерва Соединенных Штатов, – чьи бессонные глаза ни на минуту не отрываются от статистических данных, выдаваемых этой бесконтрольной и непредсказуемой рулеткой – спекулятивной системой, где делают ставки и куда вкладывают свои сбережения 50 процентов американских семей, – не осмелился бы утверждать, что подобного риска не существует. Способ избежать этого не был и не может быть изобретен в рамках такой системы. Я непрерывно настаиваю на необходимости открыть глаза на эту реальность. Может произойти обвал до того, как народы будут к нему подготовлены. Изменения не рождаются в чьих-либо головах, однако головы должны быть готовы к этим неизбежным изменениям, которые приобретут самые разные формы и пойдут самыми разными путями, без каких-либо исключений, хотя эти пути, с моей точки зрения, станут главным образом результатом действия масс, которое никто не сможет сдержать.

Однако все это будет непросто. Слепота, легкомыслие и безответственность так называемого политического класса сделают этот путь труднее, но он не будет неодолим.

Ф. М.: Существует ли для бедных самая минимальная надежда жить

лучше в ближайшие двадцать лет?

Ф. К.: Человечество начинает осознавать происходящее. Посмотрите, что произошло в Сиэтле и в Давосе.

Часто вспоминают ужасы холокоста и акты геноцида, имевшие место на протяжении этого века, но, похоже, забывают, что каждый год, по причине экономического порядка, о котором мы говорим, от голода и болезней, которые можно предупредить, умирают десятки миллионов человек. Можно потрясать положительными с виду статистиками роста, но в конце концов, для стран третьего мира все остается по-прежнему или становится еще хуже. Рост часто опирается на накопление потребительских товаров, которые ничем не способствуют подлинному развитию и лучшему распределению богатств. Большая правда состоит в том, что после нескольких десятилетий неолиберализма богатые становятся все богаче, а бедные – все беднее и беднее.

Ф. М.: На последней встрече на высшем уровне Группы 77,

проходившей в апреле в Гаване, вы сформулировали ряд идей, направленных на переустройство международного порядка. Вы могли бы вернуться к этим предложениям?

Ф. К.: Там я выступал за аннулирование внешнего долга менее развитых стран и за значительное облегчение долга многих других стран. Я также высказался за закрытие Международного валютного фонда. Странам третьего мира пора уже выступить с требованием освободиться от механизма, который был неспособен обеспечить стабильность мировой экономики. В более общем смысле я осудил пагубные результаты этой лицемерной политики – неолиберализма – для всех слаборазвитых стран и в особенности для стран Латинской Америки и Карибского бассейна. Я сказал, что нужен Нюрнберг, чтобы судить геноцид, каким является нынешний мировой экономический порядок.

Ф. М.: Это несколько преувеличено!

Ф. К.: Быть может, наоборот: несколько преуменьшено. Во имя точности я просто приведу некоторые абзацы из речи на закрытии встречи на высшем уровне стран Юга:

"Раньше говорили об апартеиде в Африке, сегодня мы можем говорить об апартеиде в мире, где более 4 миллиардов человек лишены самых элементарных человеческих прав: на жизнь, на здравоохранение, на образование, на питьевую воду, на питание, на жилье, на работу, на веру в будущее для себя и для своих детей. Судя по тому, как развиваются события, скоро для нас не останется даже воздуха, чтобы дышать, воздуха, который все больше отравляют расточительные потребительские общества, заражающие жизненно важные элементы и разрушающие среду обитания человека.

[...]

Богатый мир пытается забыть о том, что причинами отсталости и бедности были рабство, колонизация, жестокая эксплуатация и грабеж, которым в течение веков подвергались наши страны. На нас смотрят как на низшие народы. Связывают бедность, от которой мы страдаем, с мнимой неспособностью африканцев, азиатов, карибов и латиноамериканцев, то есть негров, индейцев, желтокожих и метисов развиваться и даже управлять своими странами самостоятельно.

[...]

Я твердо убежден в том, что нынешний экономический порядок, навязанный богатыми странами, не только жесток, несправедлив, бесчеловечен, противоречит неизбежному курсу истории, но также является выражением расистского мировоззрения, которое в свое время вдохновило в Европе нацизм, с его массовыми истреблениями и концентрационными лагерями, которые сегодня в странах третьего мира называют лагерями беженцев и в которых на самом деле сконцентрированы бедность, голод и насилие; тех же расистских концепций, которые в Африке инспирировали чудовищную систему апартеида.

[...]

Мы боремся за самые священные права бедных стран, но в то же время боремся и за спасение этого первого мира, неспособного обеспечить существование человеческого рода, управлять собой при своих противоречиях и эгоистичных интересах, а уж тем более править миром, руководство которым должно быть демократическим и совместным; мы боремся - это практически можно доказать с цифрами в руках - за сохранение жизни на нашей планете."

Одним словом, Федерико: необходимо срочно бороться за наше выживание, за выживание всех стран - бедных и богатых, потому что все мы плывем на одном корабле. И в этом смысле я сделал на саммите очень конкретное предложение по деликатному и сложному вопросу: я попросил страны третьего мира-экспортеров нефти предоставить преференциальные цены самым отсталым странам, вроде того, что было сделано Пактом в Сан-Хосе, подписанным двадцать лет назад Венесуэлой и Мексикой, в силу которого центральноамериканским и карибским странам разрешается покупать нефть на более благоприятных условиях.

Ф. М.: Вы так сурово судите об Организации Объединенных Наций?

Ф. К.: Нет, никоим образом, хотя я считаю ее структуру анахроничной. После 55-летнего существования необходимо создать эту организацию заново. Организация Объединенных Наций должна заслуживать свое название: нации должны быть действительно объединены во имя достижения по-настоящему гуманных и самых важных целей. Все страны, большие и малые, развитые и слаборазвитые, должны иметь реальную возможность быть услышанными. ООН должна бы превратиться в большое место для встреч, где можно будет высказать и обсудить все мнения и точки зрения. Ее функционирование должно быть по-настоящему демократичным. Важно, чтобы в органах Организации Объединенных Наций действовали такие группы как Группа 77 и Движение неприсоединившихся стран. Структура Организации Объединенных Наций должна быть преобразована, чтобы организация играла важную роль, какая подобает ей в

сегодняшнем мире. Например, социальное развитие является сегодня одной из самых драматичных потребностей стран третьего мира, и задача Всемирного банка - не поставлять средства для решения финансовых кризисов; он был создан, чтобы способствовать социальному развитию, отставание которого стало сегодня самым большим бедствием нашей эпохи.

Ф. М.: Глядя на карту мира, какие изменения вы хотели бы на ней сделать?

Ф. К.: Я думал бы о мире, достойном человека, без сверхбогатых и расточительных стран наряду с бесчисленными странами, прозябающими в нищете; о мире, где сохранялись бы вся самобытность и все культуры, о мире, где существует справедливость и солидарность; о мире без грабежа, угнетения и войн, где наука и техника стояли бы на службе человека; о мире, где природу бы охраняли и где многочисленный людской рой, каким мы являемся сегодня, смог бы выжить, расти и пользоваться духовными и материальными богатствами, созданными его разумом и усилиями.

Нет нужды спрашивать меня об этом. Я мечтаю о мире, который невозможно никогда построить на основе капиталистической философии.

Ф. М.: Что вы думаете об эволюции Латинской Америки в целом?

Ф. К.: Я думаю, что Латинская Америка потеряла почти 200 лет истории в своем социальном развитии и в своей политической интеграции. У некоторых латиноамериканских стран намного больше экономических ресурсов, чем у Кубы, уже более 40 лет живущей в условиях блокады. Но если хорошенько на них взглянуть, получается, что во многих из них третья часть населения не умеет читать и писать, что у миллионов латиноамериканцев нет даже крыши над головой, что страны погрязли в долгах до такой степени, что их развитие практически невозможно. Латиноамериканский долг настолько велик, что многие страны региона, каким бы ни был их валовой внутренний продукт, не могут гарантировать достойной жизни большинству своих граждан. Их экономики, которые, если судить по макроэкономическим цифрам, действуют хорошо, оказались в руках крупных финансовых и технологических держав. Из всех них утекают в богатые страны такие капиталы, размеры которых никто не умеет и не может подсчитать. Их слабые валюты беззащитны под натиском спекулянтов. Резервы валют, которыми их пытаются защитить высокой ценой инертных фондов, ничем не способствующих экономическому и социальному развитию, растворяются за несколько дней при любой угрозе девальвации. Доходы от приватизаций, отчуждающих национальное достояние, исчезают, не принося никакой пользы. Под угрозой финансового кризиса или девальвации все капиталы становятся кочующими - как краткосрочные займы, так и капиталы граждан, опасаящихся неизбежной убыли своих сбережений. Формулы безграничного повышения процентных ставок, к которым так часто прибегают, ввергают в хаос и усложняют всю экономическую жизнь страны. Латинская Америка, как и остальной третий мир, является жертвой навязанного ей международного экономического порядка, про который я уже сказал, что он неустойчив. Разделенные, "балканизированные", обольщенные обманчивыми иллюзиями прогресса и развития, которые порождены пением сирены - договора о свободной торговле стран полушария, - страны Латинской Америки рискуют окончательно потерять свою независимость и оказаться аннексированными Соединенными Штатами.

Ф. М.: Мне хотелось бы теперь затронуть деликатную тему: тему свободы слова и мысли. Кубинский режим регулярно подвергается нападкам за его репрессивную политику в этом плане.

Ф. К.: Я уже догадался, что ты собирался сказать. Прежде надо бы спросить, можно ли говорить о свободе слова и мысли в регионе мира, где огромное большинство граждан полностью или функционально неграмотны. Это может показаться жестокой насмешкой. Но есть кое-что и похуже. Многие люди в мире не только лишены свободы мысли: им сломали аппарат мышления. Миллиардам человеческих существ, включая значительную часть тех, кто живет в развитых

обществах, говорят, какой прохладительный напиток надо пить, какую сигарету курить, какую одежду носить, какие туфли надевать, каким продуктом какой марки надо питаться. Их политические идеи поставляются им таким же способом. Ежегодно тратятся на рекламу триллион долларов. Она сыпется дождем на незащищенные массы, которых полностью лишают элементов суждения и знаний, чтобы размышлять и соображать. Такого не было никогда ранее в истории человечества. У первобытного человека было больше свободы мысли. Хосе Марти сказал: "Быть культурными, чтобы быть свободными". Следовало бы добавить такой афоризм: свобода без культуры невозможна. Образование и культура – вот что более всего дала Революция нашему народу, намного больше, чем народам большинства развитых стран, где жизнь в обществе потребления отнюдь не является залогом культурности. Иногда становится страшно от поверхностности и неопределенности их знаний. Куба подняла средний уровень знаний своего населения до 9 классов. Это всего лишь основа. Еще через десять лет культура кубинцев будет на уровне выпускника университета, и она будет комплексной, а не дробной. Для этого уже созданы все условия. Никто теперь не сможет помешать тому, что мы станем самым культурным народом Земли и вдобавок к этому будем обладать глубокой политической культурой, не догматической и не сектантской – политической культурой, которой так не хватает многим из самых богатых стран мира. На службу столь великой цели мы поставим созданные человеком сказочные технологии без коммерческой рекламы. Лучше немного подождать, чтобы говорить о настоящей свободе слова и мысли, это нечто, что никогда не сможет сочетаться с жестокой экономической и социальной системой капитализма, которая является отрицанием культуры, солидарности и этики.

Ф. М.: Как кубинское государство думает содействовать выполнению

этого требования?

Ф. К.: Отчасти я ответил на этот вопрос. Что касается наших конкретных шагов, мне хотелось бы глубже коснуться этого в другом интервью.

Ф. М.: Уже несколько лет мы наблюдаем, как в стране рождается

эмбрион оппозиции: это группы диссидентов, которые начинают организовываться. В таких условиях не пора ли режиму открыться для политического плюрализма?

Ф. К.: Настоящая оппозиция возникла, когда свершилась самая глубокая социальная Революция на этом континенте – в разгар холодной войны и в 90 морских милях от Соединенных Штатов, которые организовали и возглавляли оппозицию в течение более 40 лет.

Революция покончила со столетними привилегиями и затронула интересы самых богатых и влиятельных слоев кубинского общества; в то же время затронула интересы крупных сельскохозяйственных, горнодобывающих, промышленных, коммерческих и сервисных предприятий, созданных Соединенными Штатами на Кубе. Мы пережили грязные войны, вторжения наемников, угрозы прямых военных нападений и были на краю ядерной войны.

Руководителем этой колоссальной контрреволюционной деятельности и всего, что было потом, – экономической, политической и идеологической войны, – было и остается до сегодняшнего дня правительство Соединенных Штатов. Остальное – чистая фикция, искусственно созданная и всегда хорошо финансируемая сверхдержавой, ее союзниками и лакеями, в обертке из лжи и клеветы, составляющей спинной хребет системы без идей и без этики, которая противостоит Революции, уже пережившей, выдержавшей и преодолевшей свои самые суровые испытания, и объединенному, боевому и политически более сильному народу.

В этом смысле не будет никаких открытий. Нам незачем сотрудничать со стратегией Соединенных Штатов.

Ф. М.: Большинство ваших министров еще не родилось, когда

победила революция Кастро.

Ф. К.: Это показывает, что они молоды, и нашей Революции конца еще не видать.

Ф. М.: Каковы сейчас мечты кубинского народа?

Ф. К.: Думаю, что у каждого из 11 миллионов есть своя мечта.

Ф. М.: Чем они отличаются от мечтаний предыдущего поколения?

Ф. К.: Тем, что раньше каждый мечтал о счастье для себя, а сегодня все мечтают о счастье для всех.

Ф. М.: Не хотели бы вы теснее привлечь население к принятию

политических решений?

Ф. К.: Неужто вы думаете, что Куба и Революция могли бы существовать без максимального и тесного участия народа?

Ф.М.: После победы Революции десятая часть населения Кубы

покинула страну. Как объясняете вы этот исход?

Ф. К.: Вы упоминаете цифры. Я пытаюсь вспомнить различные миграции, и мне кажется, что цифры ниже, если только они не включают тех, кто родился за границей. Но это неважно. До Революции кубинцы получали незначительное число виз. После ее победы двери раскрылись настежь. Из 6 тысяч врачей они увезли половину, то же сделали с университетскими преподавателями и учителями. То было колоссальное извлечение людских ресурсов. Но мы твердо перенесли этот удар. Никому не было запрещено эмигрировать. Не мы, а они не раз закрывали двери и устанавливали квоты на получение виз законным путем. Их худшим преступлением было поощрение к незаконному выезду посредством чудовищного и смертоносного закона, называемого Законом об урегулировании кубинского вопроса, в силу которого любой человек, каким бы ни было его поведение в прошлом и настоящем, нелегально выехав с Кубы любым способом и достигнув территории Соединенных Штатов, получает - без единого исключения - право на проживание в этой стране. Таким путем они приняли многих преступников, хотя не все преступники, и немало людей погибло. Из-за этого дурацкого закона, единственного в мире, созданного только для кубинских граждан, произошел случай с ребенком Элианом Гонсалесом, которому еще не исполнилось шести лет, незаконно задержанным в Соединенных Штатах и попавшим туда в ходе авантюры, при которой погибло 11 кубинцев.

Если бы Мексике и остальным латиноамериканским и карибским странам на протяжении почти 35 лет предоставлялись такие привилегии, более половины населения Соединенных Штатов было бы латиноамериканским и карибским. Сегодня не стояла бы между Мексикой и Соединенными Штатами стена намного большая, чем Берлинская, где каждый год погибает больше эмигрантов, чем все, кто погиб за годы существования той стены. Предложите вы в Европе такие привилегии жителям стран к северу и к югу от Сахары, и посмотрим, сколько их эмигрирует.

Следует сказать, что мы никогда не запрещали эмигрировать из Кубы в Соединенные Штаты и что 90 процентов уехавших сделали это по экономическим соображениям.

Ф. М.: Случай с маленьким Элианом пробудил страсти в общине

кубинских эмигрантов в Майами. Что вы думаете о кубинских диссидентах как внутри страны, так и во Флориде?

Ф. К.: Я не понимаю, какая может быть разница между тем, что ты называешь внешними и внутренними диссидентами. Это совершенно одно и то же. И те, и другие одного происхождения и находятся под одним руководством. И те, и другие являются инструментом политики Соединенных Штатов по отношению к Кубе, и те, и другие выступают за империализм, против социализма и за аннексию. Те, кто был выдвинут в качестве руководителей так называемого Кубино-американского фонда – этого порождения так называемого Документа Санта-Фе, политической платформы Республиканской партии от 1980 года в отношении Кубы, – были почти без исключения бывшими членами ЦРУ или детьми известных военных преступников, сбежавших после победы Революции в Соединенные Штаты. Список их преступлений и злодеяний, совершенных против Кубы, сначала в качестве лиц, завербованных со времени вторжения наемников на Плая-Хирон, а затем в качестве членов вышеупомянутой кубино-американской мафии, бесконечен. Одним из намерений Рейгана и его команды было найти политическую личину, которая выдвигала бы от имени предположительного кубинского представительства все законы и меры по блокаде и экономической войне против нашей Родины. Они получили выгодные контракты и экономические концессии, торговали всем, включая наркотики, и сколотили значительные состояния. Одной из самых важных порученных им задач было создание лобби, чтобы выдвигать и поддерживать в конгрессе сторонников крайне правых и самых реакционных конгрессменов любой из обеих партий в их агрессивной политике по отношению к Кубе.

Арсенал их акций против Кубы включал содействие внешне независимым террористическим группам в целях устройства всяческих экономических диверсий и политических преступлений, заброски болезней и ведения биологической войны. В конце концов, они создали собственный военный аппарат и готовили нескончаемые планы покушений на меня всякий раз, когда я выезжал за границу. То была настоящая охота на людей с полного ведения и при попустительстве американских властей. Обладая большими ресурсами, они передавали средства на ведение кампаний десяткам законодателей обеих партий, на виду у всех и под столом. Они выбирали законодателей из членов собственной группы и помогали выбирать других, пользуясь полнейшей официальной поддержкой. Все, что они сделали против нашей Родины, отвратительно. Их последнее преступление – бесчестное задержание ребенка, которому не исполнилось и 6 лет и которого лишили его законной семьи. Хозяева Флориды, они сочли себя вправе бросить вызов законам и распоряжениям самого правительства. Они дошли до того, что топтали и жгли американские флаги. Колоссальное и глупое злодеяние, совершенное против незаконно задержанного ребенка, стало их политическим Ватерлоо. Им будет очень трудно собрать по частям то, что было имевшейся у них значительной властью и политическим влиянием, и вновь сколотить из этого нечто стоящее.

Столь же морально и политически разбитым, как они, оказалось и другое крыло контрреволюционной стратегии Соединенной Штатов: крохотные группки, которые они выдвигали в течение многих лет, чтобы создать внутренний фронт для борьбы против прочного и неколебимого единства и крепости Революции, их поощряют денежными суммами, поступающими самыми различными путями, и поддерживают всеми доступными им пропагандистскими средствами. У них есть свои органы распространения контрреволюционной информации и клеветы в лице подрывных радиостанций, ведущих передачи из Соединенных Штатов, и прессы Фонда. Они работают в тесной связи с кубино-американской мафией. Их непосредственно координирует персонал Отдела, представляющего интересы Соединенных Штатов в Гаване, чешские, польские дипломаты и другие сотрудники некоторых посольств стран-союзниц Соединенных Штатов или подчиненных им.

Их основная задача – затруднить дипломатические и экономические связи Кубы, поставлять своими провокациями материал для пропагандистских и клеветнических кампаний - кампаний,

направленных на изоляцию Революции. В эти славные и героические годы двойной блокады и особого периода, когда решается, жить или погибнуть нашей Родине, в атмосфере подвигов нашего народа они погрязнут в болоте бесчестия и будут забыты, что несомненно наиболее соответствует и подобает их жалкой роли.

Ф. М.: Как вы восприняли известие об освобождении ребенка

федеральной полицией 22 апреля?

Ф. К.: Почти удивился, что наконец они решились, а это было делом крайне необходимым. Жизнь ребенка подвергалась серьезной опасности. Воссоединение с отцом, братиком, новой матерью и несколькими школьными товарищами вызвало огромную перемену в состоянии духа и в здоровье Элиана. Он быстро делает успехи в учебе и несмотря на месяцы незаконного задержания сможет закончить школьный год. Теперь главный вопрос – его возвращение на Кубу. Думаю, что не существует никакого законного, морального или политического способа удерживать его в Соединенных Штатах. Американский народ почти полностью поддержал его воссоединение с отцом и возвращение на Кубу. Это жест, за который мы всегда будем ему благодарны.

Ф. М.: Как вы откликнулись на осуждение Кубы в Комиссии по правам

человека ООН 18 апреля 2000 года в результате инициативы Чешской Республики и Польши? Кубу упрекают за жестокое подавление деятельности политических диссидентов и религиозных групп...

Ф. К.: Что касается голосования в Женеве, стало очевидно, что то был новый лицемерный акт враждебности и агрессии Соединенных Штатов по отношению к Кубе при активном пособничестве некоторых правительств бывших социалистических стран, которые предложили свои услуги, чтобы поддержать грязную игру американцев, и при содействии европейских сообщников, голосующих в Женеве в блоке со своим самым могущественным союзником и главарем натовской мафии. Мы без колебаний разоблачили гнусный маневр. Наш народ единодушно осудил его, и мы выдвинули убедительные опровержения, на многие из которых заговорщики не сумели ответить. Наши возражения будут с каждым разом все жестче, и бороться против Кубы станет все труднее.

Ф. М.: В январе 1998 года Гавану посетил Папа Иоанн Павел II. Он вас

убедил?

Ф. К.: В действительности я не помню, чтобы Папа пытался в чем-то меня убеждать. Мы приняли его со всем гостеприимством и уважением, какого заслуживает столь выдающаяся личность, обладающая особым талантом и яркой индивидуальностью. Мы оба говорили публично при его приезде и отъезде, и оба выразили с уважением и достоинством свои идеи. Я говорил кратко: 14 минут при встрече и 5 минут при прощании. Мы вручили ему страну; предоставили ему главные исторические площади, выбранные организаторами визита; наши телеканалы были отданы в его распоряжение, а также транспорт, о котором нас попросили для проведения массовых мероприятий, - весь, которым располагала наша живущая в условиях блокады страна; мы пригласили членов нашей Партии, Союза молодых коммунистов и массовых организаций присутствовать на мессах, дав строгие указания уважительно слушать все высказывания, без единого плаката, лозунга и революционных выкриков. Сто десять иностранных телеканалов и 5 тысяч журналистов получили разрешение транслировать это на весь мир. На улице ни единого солдата, ни одного полицейского с оружием. Ни в одной стране не было чего-либо подобного.

В конце организаторы визитов Папы заявили, что то был самый организованный визит из всех, им совершенных. Не было ни единого дорожно-транспортного происшествия. Я думаю, что он

унес с собой теплую память о нашей стране; в свою очередь, он оставил теплые впечатления на Кубе. У меня была возможность восхищаться его работоспособностью и самоотверженностью, с какой он строго выполнял трудные программы, подготовленные его сотрудниками. Кто потерпел полное фиаско, так это те, за рубежом, – а их было немало, – которые вообразили себе, будто Революция рухнет, как стены Иерихона, от простого присутствия Папы. Визит привел к тому, что как Революция, так и он убедились в собственных силах.

Ф. М.: Никто не бессмертен – ни главы государств, ни обычные люди.

Не считаете ли вы, что было бы мудро подготовить себе преемника, хотя бы только для того, чтобы уберечь кубинский народ от травмы хаотического перехода?

Ф. К.: Я очень хорошо знаю, что человек смертен, и моя жизнь строилась на том, чтобы никогда не тревожиться об этом. Когда мятежный характер побудил меня заняться рискованным делом борца-революционера, к чему меня никто не принуждал, я также знал: весьма маловероятно, чтобы я долго оставался в живых. Я не был главой государства, а был очень обычным человеком. Я не унаследовал никакой должности, я не король, поэтому мне нет нужды готовить себе преемника, и во всяком случае, это не было бы никогда с тем, чтобы избежать травмы хаотического перехода. Не будет травмы, и не будет необходим какой-либо переход.

Переход от одной общественной системы к другой совершается уже более 40 лет. Речь идет не о замене одного человека другим.

Теперь, когда настоящая Революция укрепилась и посеянные идеи и сознательность начали давать плоды, ни один человек, каким бы важным ни был его личный вклад, не является незаменимым. На Кубе не существует культа личности. Нигде не увидишь официальных фотографий, нет улиц, скверов или школ, носящих имя живых руководителей. Обязанности в большой степени разделены, работа распределена между многими. Многочисленные молодые и уже опытные люди вместе с менее многочисленной группой революционеров-ветеранов, с которыми они себя глубоко отождествляют, – вот те, кто приводит в действие страну. И не надо забывать: существует партия, пользующаяся большим престижем и моральным авторитетом. О чем же беспокоиться?

Ф. М.: То, что вы говорите, очень верно. Но если как раз не приводить

в действие уже теперь людей и структуры, способные стать сменой в нужный момент, не кажется ли вам, что возрастает риск того, что эти социальные достижения будут поставлены под сомнение?

Ф. К.: Смена, о которой ты говоришь, не только подготовлена, но и работает уже довольно давно.

Ф. М.: Вам выпала привилегия при жизни превратиться в миф. Вы

продолжите оставаться мифом и после смерти?

Ф. К.: Это не я. Это администрации Соединенных Штатов превратили меня в то, что ты называешь мифом, и если я был им при жизни, это также благодаря провалу их бесчисленных попыток лишить меня этой жизни. Конечно, я продолжу быть мифом и после смерти. Разве можно недооценивать заслугу столько лет бороться против такой могущественной империи?

Ф. М.: Фидель Кастро, вечный заговорщик. Этот образ относится к устаревшему прошлому?

Ф. К.: Наоборот, это стало у меня такой неотъемлемой привычкой, что я даже не говорю сам с собой о самых важных стратегических секретах моей революционной борьбы. Предпочитаю рассказывать о них по телевидению.

Ф. М.: Почему вы живете по ночам? Когда готовите свои речи?

Ф. К.: Я живу и почти всегда работаю каждый час, днем и ночью. Неужели после семидесяти можно терять время? Что до моих речей, я пришел к убеждению, быть может несколько поздно, что речи должны быть короткими.

Lugar:

Гаване

Fecha:

22/06/2000

Source URL: <http://www.comandanteenjefe.net/ru/entrevistas/kuba-ne-torguet-i-ne-prodaet-svoyu-revolyuciyu-stoivshuyu-krovi-i-zhertv-mnogih-ee-synov>